

Ю. А. Клейнер
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия. yurikleiner@hotmail.com

«НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ: НАЗВАНИЕ И СУТЬ», ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Название статьи является отсылкой к опубликованной в 1968 году работе М. И. Стеблин-Каменского, посвященной его полемике с Хрейтном Бенедиктссоном, где, в связи с проблемой неточных внутренних рифм типа д.-исл. *hond* — *handa* и возможности рифмовки членов нейтрализуемых оппозиций, в принципе, рассматривались вопросы фундаментального характера: типы нейтрализуемых оппозиций, статус немаркированного члена в них, изоморфизм и др. Впоследствии ряд понятий, покрываемых термином «нейтрализация», был переосмыслен, в том числе, в работах М. И. Стеблин-Каменского и его Школы. Тем не менее, в силу внешних причин, проблема, в целом, фактически отошла в область истории языкознания.

Ключевые слова: нейтрализация, рифмы, пражская фонология, Школа Л. В. Щербы, М. И. Стеблин-Каменский.

Yuri Kleiner
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
yurikleiner@hotmail.com

“Neutralization, the word and the thing” fifty-five years later

The title echoes M. I. Steblin-Kamenskij’s 1968 paper dealing with his polemic with Hreinn Benediktsson, where, in connection with the problem of imperfect internal rhymes such as Old Icelandic *hond* — *handa* and the possibility of rhyming the members of neutralized oppositions in principle, questions of fundamental nature were considered, such as types of neutralized opposition, status of the unmarked member in them, isomorphism, etc. Subsequently, a number of notions covered by the term “neutralization” were revised, particularly, in the works by M. I. Steblin-Kamenskij and those of his School. Nevertheless, due to external reasons, the problem as a whole has actually been relegated to the field of the history of linguistics.

Key words: neutralization, rhymes, Prague phonology, Lev Shcherba school, M. I. Steblin-Kamenskij.

Проблема, обозначенная в названии русскоязычной версии статьи М. И. Стеблин-Каменского (Steblin-Kamenskij 2003: 663–667), обсуждалась в его полемике с Хрейтном Бенедиктссоном

(Steblin-Kamenskij 1968), соответствующая работа которого появилась пятью годами ранее (Benediksson 1963). Предметом полемики послужили неточные внутренние рифмы типа д.-исл. *hond* — *handa* и — шире — нейтрализация противопоставления гласных, которая обеспечивала такую возможность. То, что понятие, центральное для всех без исключения направлений классической фонологии, обсуждалось на страницах ведущего международного журнала, свидетельствует о существовании общей для еще многочисленного в 60-е годы XX века фонологического сообщества проблематики, а значит, и единой тогда фонологии.

Этот период был весьма непродолжителен. Последовавшее затем состояние фонологической науки очень точно описал В. Б. Касевич: «часто прекращение активного обсуждения объясняется не упрочением общепринятых решений, а, скорее, переключением внимания лингвистического сообщества на какие-то другие вопросы. <...> Но свидетельствует ли это о том, что в учебники вошло некоторое классическое решение проблемы? Нет — просто в центре внимания (который определяется самыми различными вещами, в том числе и просто модой) оказались совсем другие проблемы» (Kasevich 2006: 7). Сказанное здесь о проблеме моно-/бифонемности в полной мере относится и к нейтрализации. Вместе с архифонемой, это понятие, вошло в учебники, но лишь как примета Пражской школы, своего рода ее «различительный признак», такой же, как непризнание нейтрализации Школой Л. В. Щербы или гиперфонема Московской школы, ср:

«По отношению к проблеме нейтрализации фонологических оппозиций лингвисты делятся на два противоположных лагеря. Принципиально не признают нейтрализацию представители ленинградской школы Л. В. Щерба, Д. Джоунз, представители американской школы — К. Пайк, Ч. Хоккет, З. С. Харрис и другие. Принципиально признают нейтрализацию фонологических оппозиций Н. С. Трубецкой и Н. И. Дурново, «пражцы», московская школа; из зарубежных фонологов наиболее последовательным сторонником нейтрализации является А. Мартине. Последний предпринял попытку несколько модифицировать теорию нейтрализаций, разработанную Трубецким. Некоторая модификация теории нейтрализации предпринята и московской школой, в частности, В. Н. Сидоровым был введен термин «гиперфонема». Московская фонологическая школа с ее учением о позициях сильных и слабых, о вариантах и вариациях, с учением

Р. И. Аванесова о сильных и слабых фонемах и о перекрещивающихся рядах чередований внесла значительный вклад в теорию фонологических нейтрализаций» (Zhuravlev 1972: 39).

По сути, это лишь констатация факта принятия (соотв. неприятия) не сформулированной окончательно идеи. Единства нет даже среди тех, кто допускает существование нейтрализации как фонологического явления. Так, М. В. Панов очень резко выступал против отождествления «архифонемы» и «гиперфонемы»: «[А]рхифонемы и гиперфонемы — разные понятия. Нельзя их смешивать! ... Гиперфонема существует там, где ... невозможно приведение [фонем] к сильной позиции» (Panov 1979: 181, прим. 1). Смещение понятий может быть следствием различных причин, в том числе, фундаментального характера, например, неразграничения фонетики и фонологии, ср.: «Система фонологических нейтрализаций и описание случаев диссимиляции и ассимиляции, аккомодации — совершенно не одно и то же, хотя бы потому, что это разные уровни — фонологический и фонетический» (Zhuravlev 1972: 39). В свою очередь, вопрос о двух уровнях (или науках)¹ имеет прямое отношение к расхождениям в трактовке нейтрализации, причину которых М. В. Панов видел «в том, что различно исходное понятие — фонема» (Panov 1979: 183).

Как и в случае любого частного фонологического явления, трактовка нейтрализации зависит от решения более общих проблем — фонема, сегментация, оппозиция и т. п. Этому в значительной своей части была посвящена программная работа М. И. Стеблин-Каменского, написанная в соавторстве с Г. В. Воронковой (Steblin-Kamenskij 2003: 675–688; Voronkova, Steblin-Kamenskij 1975), единственным по-настоящему серьезным откликом на которую была статья А. С. Либермана (Liberman 1971; 1974). Обе статьи пришлись на время, когда интерес к проблемам классической фонологии уже шел на спад. Фонологическое сообщество эпохи Трубецкого распалось на непересекающиеся практически течения, по большей части, отошедшие от фонологии как науки о минимальных единицах

¹ Этот вопрос служил камнем преткновения в споре советских фонетистов с Н. С. Трубецким в «Дискуссии о фонеме» 1951–1952 гг., которую упоминает М. И. Стеблин-Каменский (2003: 665, прим. 1); см также: Kleiner 2017.

плана выражения² и потому оставивших без внимания и критику якобсоновских «различительных признаков» (Воронкова и Стеблин-Каменский), и признаки, реальность которых обосновывалась лингвистическими процедурами (Либерман). Даже то, что англоязычные версии двух статей публиковались в обратном порядке — Voronkova, Steblin-Kamenskij 1975 (= Voronkova, Steblin-Kamenskij 1970) после Liberman 1974 (= Liberman 1971), — указывает на отношение к обсуждаемым проблемам, в сущности, переводящее их в область истории языкознания. Впрочем, и цитировавшаяся выше статья В. К. Журавлева не содержит ссылок на работы его недавних предшественников. Но остается в силе сделанный автором вывод: «...нет ни одного языка, система нейтрализации которого была бы полностью описана» (Zhuravlev 1972: 39). Сохраняются и разногласия между школами, продолжающими полемику вокруг проблемы, которая, таким образом, остается частью живой фонологической традиции.

Один из главных источников разногласий — расширительное понимание термина «нейтрализация», который используется для обозначения различных по своей природе явлений, как в фонологии, где он «был распространен на любое отсутствие различия» (Steblyn-Kamenskij 2003: 665)³, так и за ее пределами и даже за пределами лингвистики. Что касается собственно языкознания, то здесь речь скорее идет об осторожном отношении М. И. Стеблин-Каменского к «идее изоморфизма» и отождествлению внешне сходных явлений двух планов языка, ср. в этой связи: «...нейтрализация фонологических противопоставлений далеко не тождественна тому, что называется этим термином в морфологии и лексикологии, и ... попытки применить его вне фонологии приводит к расплывчатой метафоре» (Steblyn-Kamenskij 2003: 664).

² Ср. определение нейтрализации как “The identical *phonetic* realization of distinct phonemic forms” (Fromkin 2000: 562; курсив мой — Ю. К.) или “rules of devoicing, deaspiration, and/or deglottalization which eliminate contrasts among laryngeal features” в разделе, посвященном «внутренней организации звуков речи» (Clements, Hume 1996: 263).

³ На отношении М. И. Стеблин-Каменского к «переносу фонологических терминов в описания нефонологических явлений» (Steblyn-Kamenskij 2003: 647), несомненно, сказалось неприятие «анекдотических оппозиций Леви-Стросса» и идей Р. О. Якобсона, которому «фонологическая метафора была близка» (см.: Liberman 2003: 882, 883).

Крайний случай обособления фонологии — отделение ее (а вместе с ней — нейтрализации) от морфонологии: “Neutralization has all too often and easily been linked to the so-called ‘morpho(pho)nology’... but this facile link can only be unfortunate. Neutralization is purely a *phonological* phenomenon while morpho(pho)nology is concerned with formal variations of monemes ... and is therefore separate from phonology” (Akamatsu 1988: 130). С морфо(но)логией безусловно не связаны относимые к «нейтрализации» случаи типа *...brauchte die Frau nur einige Tage im Krankenhaus zu bleiben*, где *Tag* значит ‘сутки’ (= ‘день и ночь’), ср. *Nach all den schlaflosen Nächten, den Tagen voller Angst* (De Backer 2014:2). или омонимия грамматических форм, например, чеш. *kosti* ‘им. мн. ч. и дат. ед.’ от *kost* ‘кость’ (Trnka 1982: 313). Дело обстоит иначе в случае «вариативности монем», когда омонимия «действительна лишь для определенного фонологического контекста» (Kasevich 2006: 244), как при чередовании согласных в исходе слова и интервокальном положении в немецком, /ta:k/ *Tak* /ta:gə/ *Tage*, или русском, /got/ *pod*, /roda/ *pada*⁴.

Оба примера представляют собой классический случай «нейтрализации», но, как заметил М. И. Стеблин-Каменский, «...внимание ученых было в продолжение долгого времени поглощено ... вопросом о том, как следует называть звук, выступающий в позиции нейтрализации: реализацией фонемы, с которой он фонетически совпадает, вариантом фонемы, с которой он морфологически совпадает, или представителем особой фонологической единицы (архифонемы, смешанной фонемы и т. д.). Неудивительно поэтому, что более существенные аспекты фонологической нейтрализации, а именно ее структурная функция и ее механизм, были забыты» (Steblyn-Kamenskij 2003: 665).

Отношение к нейтрализации школы Л. В. Щербы (ЛФШ) наиболее эксплицитно сформулировал В. Б. Касевич:

«Нейтрализация — это контекстуально обусловленное уничтожение оппозиции, такое положение, когда под влиянием контекста, т. е. в слабой с данной точки зрения позиции, утра-

⁴ Как считал Л. Р. Зиндер, звонкий согласный в /ta:gə/ *Tage*, является, наряду с суффиксом *-e*, показателем множественного числа, а глухое /t/ на конце слова /got/ *pod*, вместе с нулевым окончанием, признаком именительного и винительного падежа (Zinder 1979: § 54).

чивается различие между двумя (или более) единицами, которые в другом контексте, в сильной позиции, противопоставлены. Что же перестает различаться?.. Перестают различаться морфемы⁵: эти морфемы противопоставлены в вариантах *рог-а* — *рок-а*, но перестают различаться в варианте /rok/ — *рог* и *рок*. Что же касается фонем, то различие между ними вообще не может быть утрачено, так как для этого требуется совпадение означающих при возникающей неоднозначности означаемого, но у фонем нет означающего и означаемого, это единицы незнаковые. При замене варианта /gog/ на вариант /rok/ происходит нейтрализация морфем, вызванная чередованием фонем, которое, в свою очередь, обусловлено контекстом, позицией. Такова точка зрения школы Щербы. Понятие архифонемы оказывается, таким образом, излишним» (Kasevich: 46–47).

Сказанное не означает, естественно, что понятие «оппозиция» зарезервировано исключительно за морфемами, а не относится, в равной степени, ко всем языковым единицам, в том числе, к фонемам, само существование которых обеспечивается исключительно их противопоставленностью друг другу. В силе остается и вопрос о фонологическом контексте возникновения омонимии и фонологических же средствах, используемых для ее разрешения, то есть, о структурной функции и механизме явления, которое пращцы назвали нейтрализацией.

В связи с «тем, что именуют термином “архифонема”» Л. Р. Зиндер пишет: «“архифонема”, представляет лишь связь, отношение между фонемами, но отношение не является субстанцией, а потому и не может выступать в потоке речи как составная часть слова. Поэтому что-то должно заменять ее в реальной речи. По его [Трубецкого] мнению, глухие шумные фонемы, выступающие в конце слов в русском языке, по существу, являются не соответствующими фонемами, а представителями архифонемы» (Zinder 1979: § 55). По мнению Л. Р. Зиндера, «[е]динственной фонетической единицей, обнаруживающейся в результате непосредственного анализа речевого

⁵ Ср. добавление во втором издании «Общей фонетики»: «...никакой “нейтрализации”, в смысле неразличения фонем, НЕ возникает; в таких случаях может утрачиваться лишь возможность различения слов и морфем» (Zinder 1979: § 53).

потока, в результате его членения, является фонема» (Zinder 1979: § 56).

Но как замечает по сходному поводу М. И. Стеблин-Каменский:

«фонемы не наблюдаемы непосредственно, т. е. представляет собой не физическую, а только функциональную реальность. Следовательно, нельзя описать фонемы непосредственно, как описывают физическую реальность, и можно только описать ту физическую реальность, наблюдая функционирование которой в качестве языка, заключают о существовании фонем, т. е. ... физическую реальность тех сегментов, на которые распалась звуковая цепочка в результате ее функциональной членности. Каждый такой сегмент это, очевидно, частный случай того, что называют «реализацией» той или иной фонемы или ее «манifestацией» или «имплементацией» и тем самым хотят или не хотят этого, ясно выражают, что физическая реальность и фонема лежат в двух разных и несомкстимых плоскостях (правда, лингвистическая терминология настолько неточна, что любую реализацию фонемы в известных контекстах можно назвать также и просто “фонемой”») (Steblyn-Kamenskij 2003: 677).

«Две плоскости» соответствуют реализации фонемы и ее функции — смысловозначительной (пражцы) и конститутивной (ЛФШ)⁶. Последняя отражает точку зрения говорящего (порождение речи). В плане восприятия ей соответствует «опознавание», в которое входит и смысловозначение, ср.: «функция фонемы заключается не в том, чтобы различать слова или

⁶ Ср.: «...что означает “различительная функция фонемы”? Ситуация выглядит так, как если бы фонемы различали единицы, которые существуют независимо от фонем, т.е. эти единицы были бы конституированы «чем-то», а различались бы благодаря фонемам. Но положение определено не таково: фонемы прежде всего делают возможным существование соответствующих единиц (т.е. морфем). Это, следовательно, и есть их основная функция — конститутивная» (Kasevich 2006: 43). Ср. также: «[Е]динственная функция фонемы — конститутивная... Способность различать слова — свойство фонемы, вытекающее из этой функции. Различается ли план выражения каких-нибудь двух слов одной фонемой, двумя, тремя и т. д. — это скорее свойство плана выражения в целом. Для определения фонемного состава слова не имеет никакого значения, существуют ли к нему квазиомонимы ... или не существуют» (Zinder 1979: § 65).

словоформы (хотя потенциально фонема такой способностью всегда обладает), а в том, чтобы опознавать эти языковые единицы» (Zinder 1970: 109). В свою очередь, опознавание (и смысловоразличение как частный случай) относятся как к целому (морфема, слово), так и составляющим его единицам, в нашем случае, фонемам.

В слабой позиции смысловоразличение отсутствует. Тем не менее, «[п]о мнению представителей школы Л. В. Щербы, фонологическая интерпретация такого конечного сегмента, как /к/ определяется тем, что коль скоро в системе фонем русского языка есть фонема /к/ и известны ее дифференциальные признаки, то, обнаружив в тексте сегмент с соответствующими признаками (вернее, их *коррелятами*), следует фиксировать фонему /к/» (Kasevich 1977: 41; курсив мой — Ю. К.). Сегмент, восстанавливаемый на основании «коррелятов признаков» — это, строго говоря, еще не фонема, а, скорее, ее «манифестация или имплементация», по-прежнему нуждающаяся в отождествлении. То же относится к «представителю архифонемы», о котором говорит Трубецкой (чуть дальше, на с. 89, вообще говорится о «звуке, который появляется в позиции нейтрализации»). Под архифонемой же понимается «совокупность смысловоразличительных признаков (не коррелятов — Ю. К.), общих для двух фонем» (Trubetskoj 1960: 87). Поскольку признаки выводятся из противопоставлений, «отношение между фонемами, которые представляет «архифонема»» (Зиндер), в данной конкретной позиции могут характеризоваться только отрицательно: «член оппозиции, выступающий в позиции нейтрализации, представлен *не* звонким и *не* глухим» (Trubetskoj 1960: 88; курсив мой — Ю. К.).⁷

⁷ Вот как описывает взаимоотношения между фонемой, архифонемой и представителем того и другого М. В. Панов: «Как относятся фонемы /т/ и /д/ к архифонеме /Т/? Как вообще относятся нейтрализованные фонемы к «своей» архифонеме? Одинаково ли отношение фонемы /т/ к архифонеме /Т/ и фонемы /д/ к той же архифонеме /Т/? На первый взгляд кажется, что различий нет. И то, и другое — отношение более конкретной единицы к более абстрактной. Но так только на первый взгляд. Обратим внимание, что архифонема /Т/ (на конце слова) и фонема /т/ реализуются одним и тем же звуком: [т]. Язык демонстрирует более близкие отношения между /т/ и /Т/, чем между /д/ и /Т/. Звук [т] выражает фонему /т/, и он же (в других позициях) — архифонему /Т/; значит, между ними нет таких различий, которые выразились бы в положительном признаке» (Panov 1979: 182).

То же относится и к отсутствию противопоставления в случае ограниченной дистрибуции. Говорится, правда, что различие, например, русск. /b/ и /p/, чередующихся в конце слов, «не утрачено и в этом фонетическом положении»:

«при соответствующей ситуации любая из них может быть произнесена и услышана также в так называемой слабой позиции. Когда необходимо, например, подчеркнуть, что в конце данного слова пишется буква *з*, а не *с*, или что в данном слове пишется буква *о*, а не *а*, то для этого нередко пользуются не описательными, а чисто произносительными средствами говорят: «Нужно писать *раз*, а не *рас*, или *вокзал*, а не *вакзал*» и т. п. ... Таким образом, можно сказать, что хотя в конце слов, а также и перед глухими согласными в русском языке встречается только второй член противопоставления «*z* — *s*», он сохраняет свою «индивидуальность, остается той же фонемой /s/, что и в других фонетических положениях, и не смешивается с фонемой /z/» (Zinder 1979: § 53).

Речь идет, скорее, об искусственном восстановлении *морфемы* путем «озвучивания» ее письменной формы (“*spelling pronunciation*”), с добавлением признака при столь же искусственном отождествлении «имплементации» (Стеблин-Каменский) с одним из членов противопоставления в сильной позиции. В естественных условиях, где разрешения омонимии не происходит, «имплементация» в позиции неразличения совпадает с немаркированным (глухим) членом противопоставления (отсюда орфографические ошибки — *гот*, вместо *год*⁸). В сильной позиции, напротив, возможно отождествление с маркированным членом оппозиции, например, в речи детей, *танГи*, *Дон КихоДа*, или в формах незнакомых слов, *грант* — *гранДы*, ср. вошедшие в язык: *юБочка*, *сваДебный*, но в *гардероПе* и т.п.; то же в нем. *Sarg* ‘гроб’, среднемецком заимствовании из лат. *sarcophagus* с усечением: совр. *Sarg* — мн. *Särke*.

На этом строится сознательная игра слов: «Глаз Божий»: название интернет-платформы и фильма, посвященного истории Музея изобразительных искусств (2012). Но то же происходит и в случае ненамеренных оговорок, ср. (в интервью по

⁸ Одну из причин предпочтения глухого члена оппозиции на конце слова, М. В. Панов видит в том, что «в речи (при достаточно большой текстовой выборке) [т] встречается более часто, чем [д]» (Panov 1979: 183).

радио): — ...глас народа — глас Божий. — Не дать высказаться глазу Божьему?

Во всех этих случаях не реализуется ни смысловозначительная/опознавательная, ни конститутивная функция фонемы, а значит, мы имеем дело с совершенно особым фонологическим явлением.

Связана ли нейтрализация с возможностью рифмовки? Исключить этого нельзя, хотя бы потому, что она свидетельствует об «акустической или артикуляторной близости “звуков”» (Грубецкой). С другой стороны не рифмуются *j'aimai* и *le mois de mai*, «parce que *j'aimai* se termine par un *e* fermé (*é*) [*e*], tandis que l'*e* est ouvert dans *mai* (*è*) [*ɛ*]» (Lote 1996: 215), хотя противопоставление /*ɛ*/ : /*e*/ является нейтразуемым (Trubetskoj 1960: 87). Явно не связаны с нейтрализацией рифмы *home* : *noon*, *blame* : *tane* в среднеанглийском (Jefferson et. al. 2014) или ранненовоанглийские *proved*: *loved*, *obey* : *tea*, *full* : *rule* (Hanson 2002). В *hond* — *handa* вообще имеет место «дистантная ассимиляция». В связи с этим, нелишне вспомнить, что материал стиха — не гласные и согласные, а слоги. Они рифмуются (или не рифмуются) в соответствии с правилами стихосложения, строящимися с учетом особенностей фонологической системы данного языка, в число которых, наряду с прочим, может входить и нейтрализация составляющих слоги единиц.

Литература

- Akamatsu, Ts. 1988: The theory of neutralization and the archiphoneme in functional phonology. In: *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science*. Series IV, Current issues in linguistic theory. Vol. 43. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Benediktsson, Hr. 1963. Phonematic neutralization and inaccurate rhymes. *Acta Philologica Scandinavica*. Vol. 27, 1–18.
- Clements, G. N. & E. V. Hume 1996: Internal organization of speech sounds. In: Goldsmith, J. A. (ed.). *The handbook of phonological theory*. Cambridge (Mass.): Blackwell Publishers.
- De Backer, M. 2014: *Lexical neutralisation. Theoretical and empirical perspectives*. Gent: Universiteit Gent.
- Fromkin, V. (ed.) 2000: *Linguistics. An introduction to linguistic theory*. Malden, Massachusetts, USA: Blackwell Publishers.
- Hanson, K. 2002: Vowel variation in English rhyme. In: *Studies in the history of the English language. A millennial perspective*. Ed. by

- Donka Minkova and Robert Stockwell. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 207–230.
- Jefferson, J. A., Minkova D., Putter A. 2014: Perfect and Imperfect Rhyme: Romances in the *abab* Tradition. In: *Studies in Philology*. Vol. 111/4, 631–651.
- Kasevich, V. B. 1977: *Elements of General Linguistics*. Moscow: Nauka.
Касевич, В. Б. 1977: *Элементы общей лингвистики*. М.: Наука.
- Kasevich, V. B. 2006₁: [Author's Preface]. In: Kasevich, V. B. *Trudy po jazykoznaniju [Writings on Linguistics]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 7–8.
Касевич, В. Б. 2006₁: От автора. В сб. Касевич, В. Б. *Труды по языкознанию*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 7–8.
- Kasevich, V. B. 2006₂: [Phonological problems of general and oriental linguistics]. In: Kasevich, V. B. *Trudy po jazykoznaniju [Writings on in Linguistics]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 9–238.
Касевич, В. Б. 2006₂: Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. В сб. Касевич, В. Б. *Труды по языкознанию*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 9–238 (1-е изд.: 1983).
- Kasevich, V. B. 2006₃: [Morphonology]. In: Kasevich, V. B. *Trudy po jazykoznaniju [Writings on Linguistics]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 239–370.
Касевич, В. Б. 2006₃: Морфонология. В сб.: Касевич, В. Б. *Труды по языкознанию*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 239–370 (1-е изд.: 1986).
- Kleiner, Yu. 2017: Two debates in Soviet linguistics in the early 1950s ('on linguistics' and 'on the phoneme'). In: *14th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIV)*. Paris. August 28 — September 1, 2017. *Conference Handbook*, 118–119.
- Lieberman, A. S. 1971: [The order of rules in phonology and the reality of distinctive features] *Voprosy jazykoznanija [Issues in Linguistics]* 3, 60–72.
Либерман, А. С. Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков. *Вопросы языкознания* 3, 60–72.
- Lieberman, A. S. 1974: The order of rules in phonology and the reality of distinctive features. *Linguistics* XII (126), 45–62.
- Lieberman, A. S. 2003: [M. I. Steblin-Kamenskij. A view of work and memories]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii [Writings on Philology]*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 877–909.
Либерман, А. С. 2003: М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания. В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 877–909.

- Lote, G. 1996: *Histoire du vers français*. Tome IX. Troisième partie: Le XVIIIe siècle. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence.
- Panov, M. V. 1979: *Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika* [*Modern Russian. Phonetics*]. Moscow: Vysshaja shkola.
- Панов, М. В. 1979: *Современный русский язык. Фонетика*. М.: Высшая школа.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 1968: Neutralization, the word and the thing (a propos of certain Old Icelandic rhymes). *Philologica Pragensia* XI (1), 29–32.
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: [Isomorphism and ‘phonological metaphor’]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii* [*Works in Philology*]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul’tet SPbGU, 647–651.
- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: Изоморфизм и «фонологическая метафора». В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 647–651 (1-е изд. 1967).
- Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: [Neutralization, the word and the thing (a propos of certain Old Icelandic rhymes)]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii* [*Writings on in Philology*]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul’tet SPbGU, 663–667.
- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: Нейтрализация: понятие и суть (по поводу некоторых древнеисландских рифм). В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 663–667 (1-е изд.: 1974).
- Trnka, V. 1982: Morphological oppositions. In: Trnka, V. *Selected Papers in Structural Linguistics. Contributions to English and General Linguistics written in the years 1928–1978*. Janua Linguarum, Series Maior 88, Berlin, New York; Amsterdam: Mouton, 303–316.
- Trubetskoj, N. S. 1960: *Osnovy fonologii* [*Principles of Phonology*]. Moscow: Izdatelstvo inostranoj literatury.
- Трубецкой, Н. С. 1960: *Основы фонологии*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Voronkova, G. V., & M. I. Steblin-Kamenskij 1975: The phoneme — a bundle of distinctive features? *Linguistics* XIII (146), 78–89.
- Voronkova, G. V., Steblin-Kamenskij, M. I. 2003: [The phoneme — a bundle of distinctive features?]. In: Steblin-Kamenskij, M. I. *Trudy po filologii* [*Works in Philology*]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul’tet SPbGU, 675–688.
- Воронкова, Г. В., Стеблин-Каменский, М. И. 1975: Фонема — пучок РП? В сб.: Стеблин-Каменский, М. И. *Труды по филологии*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 675–688 (1-е изд.: 1970).

- Zhuravlev, V. K. 1972: [On the problem of neutralization of phonological oppositions]. *Voprosy jazykoznanija [Issues in Linguistics]* 3, 36–49.
Журавлев, В. К. 1972: К проблеме нейтрализации фонологических оппозиций. *Вопросы языкознания* 3, 36–49.
- Zinder, L. R. 1970: [On ‘minimal pairs’]. In: *Jazyk i chelovek. Sbornik statej pamjati professora Petra Savvicha Kuznetsova (1899–1968) [Language and Man. A collection of papers in memoriam Professor Petr Savvich Kuznetsov (1899–1968)]*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 105–109.
Зиндер, Л. Р. 1970: О «минимальных парах». В сб.: Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). М.: Изд-во Моск. ун-та (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 4), 105–109.
- Zinder, L. R. 1979: *Obschaya Fonetika [General Phonetics]*. Moscow: Vysshaja shkola.
Зиндер, Л. Р. 1979: Общая фонетика. М.: Высшая школа. (1-е изд.: 1960).
- Zinder, L. R. 1997: *Teoreticheskij kurs fonetiki sovremenного nemetskogo jazyka [Theoretical Course in Phonetics of Modern German]*. St. Petersburg: Izdatelstvo SPbGU.
Зиндер, Л. Р. 1997: *Теоретический курс фонетики современного немецкого языка*. СПб.: Изд. СПбГУ.